

Nine Stories

J. D. Salinger

Девять
рассказов

Дж. Д. Сэлинджер

Магистраль. Главный тренд

Джером Дэвид Сэлинджер

Девять рассказов

«ЭКСМО»

1948–1981

Сэлинджер Д.

Девять рассказов / Д. Сэлинджер — «Эксмо», 1948–1981 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-196707-9

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений. «Девять рассказов» – это девять жемчужин в творчестве Сэлинджера. Недаром их создателя авторитетные литературные критики называют рассказчиком от бога. Его творчество – глубоко и значительно, речь – богата и блистательна, герои – искренни и незабываемы.

ISBN 978-5-04-196707-9

© Сэлинджер Д., 1948–1981

© Эксмо, 1948–1981

Содержание

Самый день для рыбы-остолоп	6
Дядюшка Криволап в Коннектикуте	14
Накануне войны с эскимосами	24
Смеющийся человек	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джером Дэвид Сэлинджер

Девять рассказов

Посвящается Дороти Олдинг и Гасу Лобрано

*Мы слышим хлопок двух ладоней. Но одной ладони хлопок как
услышать?*

Дзенский коан

© Шепелев Дмитрий Леонидович, перевод, 2024

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

Самый день для рыбы-остолоп

В отеле было девяносто семь нью-йоркских рекламщиков, которые узурпировали междугородные линии, так что девушке из номера 507 пришлось дожидаться звонка с полудня почти до двух-тридцати. Впрочем, она не теряла времени. Она прочла статью в женском карманном журнале, озаглавленную «Секс: смех или грех». Вымыла гребень и щетку. Вывела пятно с юбки бежевого костюма. Перешла пуговицу на блузке «Сакс». И выщипала два недавно вылезших волоска у себя на родинке. Когда телефонистка, наконец, позвонила ей в номер, она сидела на оконном сиденье и заканчивала красить лаком ногти на левой руке.

Она была девушкой, ничего не бросавшей ради звонящего телефона. Глядя на нее, можно было подумать, что телефон звонит непрерывно с тех самых пор, как у нее начались первые месячные.

Пока звонил телефон, она прошлась кисточкой для лака по ногтю мизинца, подчеркнув линию лунки. Затем закрутила на флаконе лака крышечку, встала и помахала в воздухе левой – влажной – рукой. Сухой рукой она взяла с оконного сиденья переполненную пепельницу и отнесла на тумбочку, на которой стоял телефон. Присев на одну из двух заправленных односпальных кроватей – телефон звонил уже пятый, если не шестой раз, – она взяла трубку.

– Алло, – сказала она, держа пальцы левой руки подальше от белого шелкового халатика, под которым у нее ничего не было, не считая шлепок – ее кольца лежали в ванной.

– Ваш абонент в Нью-Йорке на проводе, миссис Гласс, – сказала телефонистка.

– Спасибо, – сказала девушка и расчистила место на тумбочке для пепельницы.

Прорвался женский голос.

– Мюриел? Это ты?

Девушка чуть отстранила трубку.

– Да, мама. Как ты? – сказала она.

– Я за тебя до смерти переживала. Почему не позвонила? Ты в порядке?

– Я пыталась связаться с тобой вчера вечером и позавчера. Здесь телефон все время...

– Ты в порядке, Мюриел?

Девушка увеличила зазор между трубкой и ухом.

– Очень даже. Очень жарко. Сегодня у меня самый жаркий день во Флориде за...

– Почему ты мне не звонила? Я до смерти...

– Мама, милая, не ори на меня. Я прекрасно тебя слышу, – сказала девушка. – Я звонила тебе дважды вчера вечером. Один раз сразу после...

– Я говорила вчера вечером твоему отцу, что ты наверно позвонишь. Но какое там, ему нужно было... Ты в порядке, Мюриел? Скажи правду.

– Очень даже. Хватит это спрашивать, прошу тебя.

– Когда вы добрались?

– Не знаю. Утром в среду, рано.

– Кто вел?

– Он, – сказала девушка. – И не волнуйся. Он вел очень хорошо. Я поражалась.

– Значит, он? Мюриел, ты дала мне честное...

– Мама, – перебила ее девушка, – я же тебе сказала. Он вел очень хорошо. Всю дорогу ниже пятидесяти, между прочим.

– Он не пытался, как тогда, чудить с деревьями?

– Я же сказала, мама, он вел очень хорошо. Прошу тебя. Я попросила его не отдаляться от белой полосы и все такое, и он понял, что я хотела, и так и делал. Он старался вообще не смотреть на деревья – это было видно. А папа машину не починил, случайно?

- Еще нет. Хотят четыреста долларов – только за...
- Мама, Сеймур *сказал* папе, что заплатит за нее. Нет причин для...
- Что ж, посмотрим. Как он себя вел – в машине и все такое?
- Как положено, – сказала девушка.
- Он еще называет тебя этим ужасным...
- Нет. Он теперь кое-что новое придумал.
- Что?
- Да какая *разница*, мама?
- Мюриел, я хочу *знать*. Твой отец...
- Ну ладно, ладно. Он называет меня Мисс Духовная Оторва-1948, – сказала девушка и захихикала.
- Не смешно, Мюриел. Ничуть не смешно. Просто ужасно. *Грустно* за тебя. Только подумаю, как...
- Мама, – перебила ее девушка, – послушай. Помнишь ту книгу, что он прислал мне из Германии? Ну, знаешь, этих немецких поэтов. Куда я ее *засунула*? Я перерыла свои...
- Она у тебя.
- Ты *уверена*? – сказала девушка.
- Безусловно. В смысле, она у меня. Она в комнате Фредди. Ты оставила ее здесь, а у меня для нее места не нашлось в... А что? Она ему понадобилась?
- Нет. Он только спрашивал меня о ней, когда мы ехали. Интересовался, не читала ли я ее.
- Она же на немецком!
- Само собой. Это ничего не значит, – сказала девушка, положив ногу на ногу. – Видишь ли, он сказал, что эти стихи написал *единственный великий поэт нашего века*. Сказал, мне надо было купить перевод или вроде того. Или *выучить язык*, если угодно.
- Ужас. Ужас. *Грустно* вообще-то – вот, что. Твой отец сказал вчера вечером...
- Секундочку, мама, – сказала девушка. Она подошла к оконному сиденью за сигаретами, закурила одну и снова вернулась на кровать. – Мама? – сказала она, выдыхая дым.
- Мюриел. Теперь послушай меня.
- Я слушаю.
- Твой отец говорил с доктором Сиветски.
- Да? – сказала девушка.
- Он ему *все* рассказал. По крайней мере, так говорит – ты же знаешь отца. Про деревья. Про тот случай с окном. Про гадости, что он наговорил бабуле насчет ее планов на похороны. И что он сотворил со всеми этими прекрасными бермудскими карточками – *обо всем*.
- Ну и? – сказала девушка.
- Ну, для начала он сказал, что это форменное *преступление*, что армия выпустила его из госпиталя – честное слово, так и сказал. Он совершенно *точно* сказал отцу, что есть вероятность – он сказал, очень *большая* вероятность, – что Сеймур может совершенно потерять над собой контроль. Честное слово.
- Здесь в отеле есть психиатр, – сказала девушка.
- *Кто*? Как его зовут?
- Я не знаю. Ризер или как-то так. Он считается очень хорошим.
- Никогда о нем не слышала.
- Ну, тем не менее, он считается очень хорошим.
- Мюриел, не хорохорься, пожалуйста. Мы за тебя очень волнуемся. Твой отец хотел *вчера вечером* отправить тебе телеграмму, чтобы ты возвращалась домой, между про...
- Я не вернусь домой прямо сейчас, мама. Так что успокойся.

– Мюриел. Вот тебе честное слово. Доктор Сиветски сказал, Сеймур может совершенно потерять конт...

– Я только *выбралась* сюда, мама. Это мой первый отпуск за несколько лет, и я не собираюсь просто *собрать вещи* и приехать домой, – сказала девушка. – В любом случае, я сейчас не могу никуда ехать. Я так обгорела, что еле двигаюсь.

– Ты сильно обгорела? А ты не мазалась тем кремом «Бронза», что тебе положила? Я положила его прямо...

– Мазалась. И все равно обгорела.

– Какой ужас. И где ты обгорела?

– Да везде, просто везде.

– Какой ужас.

– Я это переживу.

– Скажи, а ты говорила с этим психиатром?

– Ну, вроде того, – сказала девушка.

– И что он сказал? Где был Сеймур, когда ты с ним говорила?

– В Океанской комнате, играл на пианино. Он оба вечера играл на пианино, что мы здесь.

– Ну, и что он сказал?

– Да ничего особенного. Он первый со мной заговорил. Я сидела рядом с ним за бинго вчера вечером, и он спросил меня, не мой ли это муж играет в другой комнате на пианино. Я сказала, да, мой, и он спросил меня, не болен ли Сеймур или вроде того. Так что я сказала...

– Почему он это спросил?

– Я не знаю, мама. Наверно, потому что он такой бледный и все такое, – сказала девушка. – В общем, после бинго они с женой спросили, не выпью ли я с ними. И я выпила. Жена его ужасная. Помнишь то кошмарное вечернее платье, какое мы видели в витрине «Бонюит»? Про которое ты сказала, что у тебя должна была бы быть крохотная...

– Зеленое?

– Она была в нем. Бедро – во. Она все спрашивала меня, не родственник ли Сеймур той самой Сюзанне Гласс, у которой салон на Мэдисон-авеню – дамские шляпы.

– Но что он сказал? Доктор.

– А. Ну, ничего такого на самом деле. То есть, мы же в баре были и все такое. Было ужасно шумно.

– Да, но он... ты ему рассказала, что он попытался сделать с креслом бабули.

– *Нет*, мама. Я не очень углублялась в детали, – сказала девушка. – У меня наверно будет возможность поговорить с ним еще. Он *с утра до вечера* в баре.

– А он не сказал, что есть вероятность, что он может начать... ну, знаешь... чудить или вроде того? Сделать что-то с тобой!

– Не совсем, – сказала девушка. – Ему требовалось больше фактов, мама. Им нужно знать о твоём детстве... всякое такое. Я же тебе говорила, мы едва могли разговаривать – до того там шумно

– Ну, что ж. Как твое синее пальто?

– Нормально. Пришлось вынуть немного подкладки.

– Как *одеваются* в этом году?

– Ужасно. Как с луны свалились. Сплошные стразы – на всем, – сказала девушка.

– Как ваш номер?

– Нормальный. Просто *нормальный*, ничего особенного. Не получилось достать номер, в котором были до войны, – сказала девушка. – Люди ужасные в этом году. Ты бы видела, что за нечто сидит рядом с нами в столовой. За соседним столиком. Такой вид, словно они в кузове приехали.

– Ну, так теперь повсюду. Как твоя нижняя юбка?

– Слишком длинная. *Говорила же*, слишком длинная.

– Мюриел, я тебя только раз еще спрошу: ты действительно в порядке?

– Да, мама, – сказала девушка. – В девятнадцатый раз.

– И ты не хочешь вернуться домой?

– Нет, мама.

– Твой отец сказал вчера вечером, что он бы с готовностью оплатил дорогу, если бы ты уехала куда-нибудь одна и все обдумала. Ты могла бы устроить отличный круиз. Мы оба подумали...

– Нет, спасибо, – сказала девушка и сняла ногу с ноги. – Мама, этот звонок обойдется в целое со...

– Только подумаю, как ты прождала этого мальчишку всю войну – то есть, как подумаешь обо всех этих очумелых женушках, которые...

– Мама, – сказала девушка, – нам лучше закругляться. Сеймур может войти в любую минуту.

– А где он?

– На пляже.

– На пляже? Без тебя? А он хорошо ведет себя на пляже?

– Мама, – сказала девушка, – ты говоришь о нем, словно он какой-нибудь *маньяк*...

– Ничего подобного я не сказала, Мюриел.

– Ну, так это прозвучало. То есть, он там просто лежит. Не хочет снимать халат.

– Не хочет снимать халат? Почему?

– Я не знаю. Наверно потому, что такой бледный.

– Господи, ему *нужно* солнце. Ты не можешь его заставить?

– Ты же знаешь Сеймура, – сказала девушка и снова положила ногу на ногу. – Он говорит, что не хочет, чтобы всякие дуры пялились на его татуировку.

– У него нет никаких татуировок! Он что, в армии наколол?

– Нет, мама. Нет, что ты, – сказала девушка и встала. – Послушай, я, может, тебе завтра позвоню.

– Мюриел. Ну-ка, послушай меня.

– Да, мама, – сказала девушка, переместив вес на правую ногу.

– Немедленно позвони мне, если он *сделает* или *скажет* хоть что-нибудь этакое – ты понимаешь, о чем я. Ты меня слышишь?

– Мама, я не боюсь Сеймура.

– Мюриел, я хочу, чтобы ты пообещала мне.

– Ну, хорошо, обещаю. Всего доброго, мама, – сказала девушка. – Скажи папе, я его люблю.

Она положила трубку.

– Сэр мой глаз, – сказала Сибил Карпентер, приехавшая в отель с мамой. – Где сэр мой глаз?

– Зайка, хватит это повторять. Мамочка от этого на стенку лезет. *Стой смирно*, пожалуйста.

Миссис Карпентер смазывала маслом для загара плечи Сибил, растирая по тонким, точно крылышки, лопаткам девочки. Сибил неустойчиво сидела на надувном пляжном мяче, лицом к океану. На ней был канареечно-желтый раздельный купальник, верхняя часть которого была ей без надобности еще лет на десять вперед.

– И ведь у нее обычный шелковый платочек – я вблизи рассмотрела, – сказала женщина в шезлонге возле миссис Карпентер. – Знать бы, как она его так повязала. Просто загляденье.

– Загляденье, как вы рассказываете, – согласилась миссис Карпентер. – Сибил, стой спокойно, зайка.

– Где сэр мой глаз? – сказала Сибил.

Миссис Карпентер вздохнула.

– Ну, ладно, – сказала она и закрутила крышечку на бутылочке с маслом для загара. – Беги, давай, зайка, играй. Mamочка пойдет в отель и пропустит по мартини с миссис Хуббель. Принесет тебе оливку.

Вырвавшись на свободу, Сибил тут же припустила на ровную часть пляжа и направилась к Рыбачьему павильону. Она лишь задержалась, чтобы сунуть ножку в рыхлый, осевший замок, и вскоре вышла за территорию, предназначенную для постояльцев отеля.

Она прошла порядка четверти мили, а затем вдруг бросилась вприпрыжку по мягкой части пляжа. И резко остановилась возле молодого человека, лежавшего на спине.

– Вы пойдете в воду, сэр мой глаз? – сказала она.

Молодой человек вздрогнул, его правая рука потянулась к отворотам махрового халата. Он перевернулся на живот – с глаз упало скатанное полотенце – и прищурился на Сибил.

– Эй. Привет, Сибил.

– Вы пойдете в воду?

– Я ждал *тебя*, – сказал молодой человек. – Что нового?

– Что? – сказала Сибил.

– Что нового? Что у нас в программе?

– Завтра папа прилетит на сумалете[Для редактора/корректора: намеренная опечатка], – сказала Сибил, пнув песок. (*да я в курсе, это еще в «Мэри Поппинс» было:*)

– Не надо в лицо, детка, – сказал молодой человек, тронув Сибил за лодыжку. – Что ж, ему бы пора уже объявиться, твоему папе. Я ежечасно его ожидаю. Ежечасно.

– А где тетя? – сказала Сибил.

– Тетя? – молодой человек смахнул песчинки с жидких волос. – Это сложно сказать, Сибил. Она может быть в любом из тысячи мест. У парикмахера. Красить волосы в серо-коричневый. (*иначе было бы having her mink hair dyed*) Или делать кукол для бедных деток у себя в номере, – лежа ничком, он поставил один кулак на другой и оперся на них подбородком. – Спроси что-нибудь еще, Сибил, – сказал он. – Прекрасный у тебя купальник. Если я что и люблю, так это голубые купальники.

Сибил уставилась на него, затем опустила взгляд на свой выпяченный животик.

– Он *желтый*, – сказала она. – Это *желтый*.

– Правда? Подойди-ка поближе.

Сибил шагнула вперед.

– Ты совершенно права. Вот я дурень.

– Вы пойдете в воду? – сказала Сибил.

– Я серьезно подумываю об этом. Ты будешь рада, Сибил, узнать, что я размышлял об этом.

Сибил тронула ножкой надувной матрас, который молодой человек иногда клал под голову.

– Ему нужен *воздух*, – сказала она.

– Ты права. Ему нужно больше воздуха, чем я могу ему дать, – он разжал кулаки и опустил подбородок на песок. – Сибил, – сказал он, – ты прекрасно выглядишь. Приятно на тебя смотреть. Расскажи мне о себе, – он вытянул руки и взялся за обе лодыжки девочки. – Я козорог, – сказал он. – А ты?

– Шэрон Липшуц сказала, вы дали ей сидеть за пианино рядом с вами, – сказала Сибил.

– Шэрон Липшуц так сказала?

Сибил ретиво закивала.

Он отпустил ее лодыжки, подтянул к себе руки и положил голову щекой на правое предплечье.

– Ну, – сказал он, – ты же знаешь, как это бывает, Сибил. Я сидел там, играл. А тебя нигде не было видно. А Шэрон Липшуц подошла и под села ко мне. Я же не мог спихнуть ее, верно?

– Мог.

– Ну, что ты. Нет. Я бы не смог, – сказал молодой человек. – Но я скажу тебе, что я сделал.

– Что?

– Я сделал вид, что она – это ты.

Сибил тут же потупилась и стала ковырять ножкой песок.

– Пошли в воду, – сказала она.

– Ну, ладно, – сказал молодой человек. – Думаю, я смогу с этим справиться.

– В другой раз спихните ее, – сказала Сибил.

– Кого спихнуть?

– Шэрон Липшуц.

– А, Шэрон Липшуц, – сказал молодой человек. – Как в этом имени смешались воспоминание и страсть¹, – он вдруг встал на ноги и посмотрел на океан. – Сибил, – сказал он, – я скажу тебе, что мы будем делать. Мы попробуем поймать рыбу-остолоп.

– Что?

– Рыбу-остолоп, – сказал он и развязал пояс халата. Он скинул халат. Плечи у него были белыми и узкими, а плавки – ярко-синими. Он сложил халат – сперва повдоль, потом еще втрое. Развернул полотенце, которое клал на глаза, расстелил на песке и положил на него свернутый халат. Нагнувшись, он поднял маркас и взял под правую руку. Затем левой рукой взял Сибил за руку.

Они вдвоем направились к океану.

– Полагаю, ты в свои годы уже немало повидала рыб-остолопов, – сказал молодой человек.

Сибил покачала головой.

– Неужели? А где ты вообще-то *живешь*?

– Я не знаю, – сказала Сибил.

– Да знаешь. Должна знать. Шэрон Липшуц знает, где она живет, а ей всего *три с половиной*.

Сибил остановилась и отняла свою руку. Подобрала обычную ракушку и стала рассматривать с явным интересом. Потом бросила.

– Кудьявая ъоща, в Коннектикуте, – сказала она и пошла дальше, выпятив животик.

– Кудьявая ъоща, в Коннектикуте, – сказал молодой человек. – Это случайно не рядом с Кудрявой рощей, в Коннектикуте?

Девочка взглянула на него.

– Там я и *живу*, – сказала она нетерпеливо. – Я *живу* в Кудьявой ъоще, в Коннектикуте.

Она забежала на несколько шагов вперед, взяла левой рукой левую ступню и крутанулась два-три раза.

– Ты не представляешь, как это все проясняет, – сказал молодой человек.

Сибил выпустила ступню.

– А ты читал «Негртенка Самбо²»? – сказала она.

– Очень забавно, что ты это спросила, – сказал молодой человек. – Так вышло, что я только вчера вечером дочитал ее.

¹ Отсылка к поэме Томаса Элиота (1888–1965) «Бесплодная земля» (1922) в переводе А. Сергеева. *Здесь и далее прим. пер.*

² *Англ.* The story of little black Sambo – популярная детская книга, написанная и проиллюстрированная шотландской писательницей Хелен Баннерман (1862–1946), изданная в 1899 г.

Он наклонился и снова взял Сибил за руку.

– И как она тебе? – спросил он ее.

– А тигры там бегали вокруг того дерева?

– Я думал, они никогда не останутся. Никогда не видел столько тигров.

– Их там всего было шесть, – сказала Сибил.

– *Всего* шесть! – сказал молодой человек. – По-твоему, это *всего*?

– Тебе нравится воск? – спросила Сибил.

– Что мне нравится? – спросил молодой человек.

– Воск.

– Очень. А тебе?

Сибил кивнула.

– А оливки нравятся? – спросила она.

– Оливки – да. Оливки и воск. Никуда без них не выхожу.

– А Шэрон Липшуц тебе нравится? – спросила Сибил.

– Да. Да, нравится, – сказал молодой человек. – Что мне особенно в ней нравится, это то, что она никогда не делает никаких гадостей собачкам в вестибюле отеля. Той ручной бульдожке, к примеру, которая у той дамы из Канады. Ты наверно не поверишь, но *есть* такие девочки, которым нравится тыкать эту собачку тростинками от шариков. А Шэрон не такая. Она не бывает гадкой или жестокой. Вот почему она мне так нравится.

Сибил шла молча.

– Мне нравится жевать свечки, – сказала она, наконец.

– А кому – нет? – сказал молодой человек, пробуя воду ногой. – Ого! Холодная, – он бросил на воду резиновый матрас. – Нет, Сибил, подожди малость. Подожди, пока зайдем подальше.

Они шли вброд, пока вода не дошла Сибил до талии. Тогда молодой человек взял ее и положил ничком на матрас.

– Ты никогда не носишь купальной шапочки или чего-то такого? – спросил он.

– Не отпускай, – велела Сибил. – Смотри, держи меня.

– Мисс Карпентер. Прошу вас. Я знаю, что делаю, – сказал молодой человек. – Вы лучше высматривайте рыбу-остолоп. Сегодня самый день для рыбы-остолоп.

– Я ни одной не вижу, – сказала Сибил.

– Это неудивительно. У них весьма *своеобразные* повадки, – молодой человек толкал поплавок. Вода доходила ему почти до груди. – Они ведут очень трагическую жизнь, – сказал он. – Знаешь, что они делают, Сибил?

Она покачала головой.

– Ну, они заплывают в пещеру, где полно эскалопов. Когда они заплывают, они рыбы как рыбы. Но как только заплывут, становятся как свиньи. Да я знавал одну такую рыбу-остолоп, которая заплывла в пещеру и слопала ни много ни мало семьдесят восемь эскалопов, – он продвинул матрас с пловчихой на фут ближе к горизонту. – Естественно, когда они так растолстеют, они уже не могут выбраться из пещеры. В дверь не пролазят.

– Только нос торчит, – сказала Сибил. – И что с ними дальше?

– Что с кем дальше?

– С рыбами-остолопами.

– А, в смысле, после того, как они слопают столько эскалопов, что не могут выбраться из пещеры?

– Да, – сказала Сибил.

– Ну, ужасно не хочется говорить тебе, Сибил. Они умирают.

– Почему? – спросила Сибил.

– Ну, они заболевают эскалопной лихорадкой. Это ужасная зараза.

– Вон *волна* идет, – сказала Сибил настороженно.

– Мы презреем ее. В упор не заметим, – сказал молодой человек. – Два гордеца.

Он взял Сибил за лодыжки и надавил вперед и вниз. Матрас поднялся над гребнем волны. Вода намочила светлые волосы Сибил, но в ее крике слышалось удовольствие.

Когда матрас снова выровнялся, она смахнула рукой с глаз мокрую прядку и сообщила:

– Только что видела одну.

– Что ты видела, милая?

– Рыбу-остолоп.

– Да ты что! – сказал молодой человек. – А у нее были во рту эскалопы?

– Да, – сказала Сибил. – Шесть.

Молодой человек вдруг взял мокрую ножку Сибил, свисавшую с края матраса, и поцеловал в стопу.

– Эй! – сказала, обернувшись, владелица стопы.

– Сама ты эй. Мы возвращаемся. Наплавалась уже?

– Нет!

– Извини, – сказал он и стал толкать поплавок к берегу, пока Сибил не слезла. Молодой человек взял и понес матрас.

– Всего доброго, – сказала Сибил и увлеченно припустила в сторону отеля.

Молодой человек надел халат, плотно запахнулся и сунул в карман полотенце. Поднял скользкий мокрый несуразный матрас и взял под руку. И побрел в одиночестве по мягкому горячему песку к отелю.

На минус первом этаже отеля – руководство отеля поощряло купальщиков использовать его – в лифт с молодым человеком вошла женщина с цинковой мазью на носу.

– Вижу, вы смотрите на мои ноги, – сказал ей молодой человек, когда лифт тронулся.

– Прошу прощения? – сказала женщина.

– Я сказал, вижу, вы смотрите на мои ноги.

– Прошу *прощения*. Я просто в пол смотрела, – сказала женщина и уставилась на дверцы лифта.

– Если хотите смотреть на мои ноги, так и скажите, – сказал молодой человек. – Но какого черта коситься украдкой?

– Выпустите меня здесь, пожалуйста, – пробормотала женщина молодой лифтерше.

Дверцы раскрылись, и женщина вышла, не оглядываясь.

– У меня две нормальные ноги, и я не вижу ни единой причины, какого черта кто-то должен пялиться на них, – сказал молодой человек. – Пятый, пожалуйста.

Он вынул ключ от номера из кармана халата.

Вышел на пятом этаже, прошел по коридору и вошел в номер 507. Там пахло новыми саквояжами из телячьей кожи и средством для снятия лака.

Молодой человек взглянул на девушку, спавшую на одной из двуспальных кроватей. Затем подошел к одному саквояжу, открыл его и из-под стопки трусов и маек достал автоматический «Ортгис³» калибра 7,65. Он выдвинул магазин, взглянул на него, вставил обратно. Взвел курок. Затем подошел к незанятой кровати, присел на нее, посмотрел на девушку, навел пистолет и пустил пулю себе в правый висок.

³ Немецкий пистолет конструктора Генриха Ортгиса (1870–1937), популярный трофей американских солдат на Второй мировой войне.

Дядюшка Криволап в Коннектикуте

Время уже близилось к трем, когда Мэри Джейн, наконец, отыскала дом Элоизы. Она объяснила Элоизе, встречавшей ее на подъездной аллее, что все шло *просто отлично*, что она *досконально* помнила дорогу, пока не свернула с бульвара Меррика. Элоиза сказала: «Бульвара *Мерритта*, детка» и напомнила Мэри Джейн, что она уже дважды бывала у нее дома, но Мэри Джейн только промямлила что-то невнятное, что-то насчет коробки «клинекса», и метнулась обратно к своему кабриолету. Элоиза подняла воротник верблюжьего пальто, повернулась спиной к ветру и стала ждать. Мэри Джейн вернулась через минуту, вытираясь «клинексом», с раздосадованным, даже разочарованным видом. Элоиза радушно сказала, что весь ланч, к чертям, сгорел – сладкое мясо, все такое, – но Мэри Джейн сказала, что все равно уже поела в дороге. Когда они шли к дому, Элоиза спросила Мэри Джейн, как ей удалось получить выходной. Мэри Джейн сказала, что это *не на целый* день; просто мистер Уэйнбург оставался из-за грыжи дома, в Ларчмонте, и она каждый день должна доставлять ему почту и пару писем. Она спросила Элоизу: «Кстати, грыжа – это *вообще* что»? Элоиза, бросив сигарету на грязный снег под ногами, сказала, что *в точности* не знает, но заверила Мэри Джейн, что это не заразно. Мэри Джейн сказала: «А», и девушки вошли в дом.

Через двадцать минут они допивали в гостиной по первому виски со льдом и разговаривали в своей, несколько угловатой манере бывших соседок по студенческому общежитию. Их связывало даже нечто большее: ни одна, ни другая не окончила колледжа. Элоиза ушла в середине второго курса, в 1942-м, через неделю после того, как ее застукали с солдатом в закрытом лифте на третьем этаже ее общежития. А Мэри Джейн ушла – в том же году, из той же группы, почти в тот же месяц – ради того, чтобы выйти за курсанта авиашколы, расквартированного в Джексонвилле, во Флориде, подтянутого паренька из Дилла, Миссисипи, помещанного на самолетах, который два из трех месяцев женитьбы на Мэри Джейн провел в тюрьме за то, что пырнул ножом военного полисмена.

– Нет, – говорила Элоиза. – Вообще-то, в *рыжую*.

Она растянулась на диване, скрестив в лодыжках худые, но очень красивые ноги.

– А я слышала, в блондинку, – повторила Мэри Джейн. Она сидела на синем стуле с прямой спинкой. – Как ты гришь, в хвост и гриву, блондинка.

– Не-а. Точно говорю, – Элоиза зевнула. – Я с ней чуть не *в комнате* была, когда она перекрашивалась. Что ж такое? Неужели тут ни одной сигареты?

– Все в порядке. У меня целая пачка, – сказала Мэри Джейн. – Где-то.

Она стала рыться в своей сумочке.

– Это все горничная, лохня, – сказала Элоиза, не вставая с дивана. – Я сунула ей под нос два новеньких блока где-то час назад. Она может войти в любую минуту и спросить, что с ними делать. Черт, о чем я говорила?

– О Тиринджер, – подсказала Мэри Джейн, закуривая сигарету из своей пачки.

– А, да. Я точно помню. Она перекрасилась вечером перед тем, как вышла за этого Фрэнка Хенке. Ты хоть немного его помнишь?

– Ну, вроде. Низенький такой, рядовой? Ужасно некрасивый?

– Некрасивый. Господи! Он был как немывтый Бела Лугоши⁴.

Мэри Джейн откинула голову и заржала.

– Изумительно, – сказала она, возвращаясь в нормальную позу и допивая виски.

⁴ Бела Лугоши (1882–1956) – голливудский актер венгерского происхождения, игравший злодеев в фильмах ужасов и триллерах. Прославился ролью графа Дракулы в фильме «Дракула» (1931) реж. Тода Браунинга.

– Дай-ка стакан, – сказала Элоиза, опуская ногу в чулке на пол и вставая. – Честно, *лохня* та еще. Я все сделала, разве только не заставила Лью заняться с ней любовью, чтобы она перебралась с нами сюда. Теперь уже жалею... Где ты достала эту вещь?

– *Эту?* – сказала Мэри Джейн, тронув брошь с камеей у себя на шее. – Она у меня со школы, господи боже. От мамы.

– Боже, – сказала Элоиза, держа в руке пустые стаканы. – У меня ни единой, к чертям, побрякушки. Если мать Лью когда-нибудь помрет – ха-ха, – она наверно отпишет мне какой-нибудь старый нож для льда с монограммой или вроде того.

– Как ты с ней вообще сейчас?

– Не смей меня, – сказала Элоиза, выходя на кухню.

– У меня это точно будет последний! – сказала ей вслед Мэри Джейн.

– Черта с два. *Кто кому* звонила? И кто опоздала на два часа? Будешь тут торчать, пока меня не затошнит от тебя. К черту твою паршивую карьеру.

Мэри Джейн снова откинула голову и заржала, но Элоиза уже ушла на кухню.

Не зная или не очень представляя, чем себя занять, Мэри Джейн встала и подошла к окну. Она отодвинула штору и прислонилась запястьем к оконной раме, но, почувствовав пыль, убрала руку, вытерла запястье другой рукой и выпрямилась. На улице грязная слякоть очевидно превращалась в лед. Мэри Джейн отпустила штору и побрела обратно к синему стулу, мимо двух заставленных книгами шкафов, даже не взглянув на корешки. Усевшись, она открыла сумочку, достала зеркальце и оглядела свои зубы. Закрывает рот и как следует провела языком по верхним зубам, после чего снова оглядела их.

– На улице становится так *скользко*, – сказала она, оборачиваясь. – Боже, быстро ты. Совсем не добавляла содовой?

Элоиза, держа в каждой руке по стакану, резко остановилась, выставив указательные пальцы, точно пистолеты.

– Никому ни с места, – сказала она. – У меня тут все, к чертям, окружено.

Мэри Джейн рассмеялась и убрала зеркальце.

Элоиза подошла с выпивкой и поставила стакан Мэри Джейн на неустойчивую подставку. Держа свой в руке, она снова растянулась на диване.

– Чем, по-твоему, она там занимается? – сказала она. – Сидит на своей большой черной заднице и читает «Робу»⁵. Я уронила формочку со льдом, когда вынимала. Так она посмотрела на меня с недовольством.

– У меня это последний. И я серьезно, – сказала Мэри Джейн, беря свой стакан. – Ой, слушай! Знаешь, кого я видела на прошлой неделе? В главном зале «Лорда-и-Тэйлора»⁶?

– Не-а, – сказала Элоиза, подкладывая подушку под голову. – Акима Тамироффа?

– *Кого?* – сказала Мэри Джейн. – Кто это?

– Аким Тамирофф⁷. В кино который. Он всегда говорит: «Ти очень шютишь, а»? Люблю его... В этом доме ни одной чертовой подушки, которая мне подходит. Так кого ты видела?

– Джексон. Она была...

– Какую именно?

– Я не знаю. Ту, что была у нас на психологии, которая всегда...

– Они обе у нас были на психологии.

– Ну... Ту, которая с такой зверской...

– Марсия Луиза. Я как-то тоже с ней столкнулась. Все уши оттоптала, да?

⁵ Англ. The Robe – исторический роман-бестселлер (1942) христианского писателя и богослова Ллойда Кэсселла Дугласа (1877–1951) о влиянии робы распятого Христа на христиан, иудеев и римлян.

⁶ Англ. Lord & Taylor's – старейший элитный универмаг в США, основанный в 1826 г.

⁷ Аким Тамирофф (1899–1972) – американский киноактер армянского происхождения, имевший характерный акцент.

– Не то слово. Но ты знаешь, что она мне рассказала? Профессор Уайтинг умерла. Она сказала, ей Барбара Хилл написала, что Уайтинг заболела раком прошлым летом и умерла, и все такое. Она весила всего шестьдесят два фунта⁸. Когда умерла. Правда, ужас?

– Да ну.

– Элоиза, ты черства, как камень.

– Хм. Что еще она сказала?

– А, что только из Европы. Мужа у нее отправили в Германию или вроде того, и она была с ним. Сказала, они жили в доме из сорока семи комнат, всего с одной парой, кроме них, и где-то десятком прислуги. У нее была своя лошадь, а их конюх служил раньше личным берейтором у Гитлера или вроде того. А, и она начала рассказывать мне, как ее чуть не изнасиловал цветной солдат. Прямо в главном зале «Лорда-и-Тэйлора» начала рассказывать – ты же знаешь Джексона. Сказала, он был шофером мужа и как-то утром он повез ее на рынок или вроде того. Она сказала, что так перепугалась, что даже не...

– Погоди-ка секунду, – Элоиза подняла голову и повысила голос. – Это ты, Рамона?

– Да, – ответила маленькая девочка.

– Закрой за собой входную дверь, пожалуйста, – сказала ей Элоиза.

– Это Рамона? Ой, до смерти хочу ее увидеть. Ты сознаешь, что я не видела ее с тех пор, как...

– Рамона, – прокричала Элоиза, закрыв глаза, – иди на кухню, и пусть Грейс снимет твои галоши.

– Хорошо, – сказала Рамона. – Давай, Джимми.

– Ой, до смерти хочу ее увидеть, – сказала Мэри Джейн. – О, *господи!* Смотри, что я наделала. Мне ужасно жаль, Эль.

– *Оставь.* Оставь, – сказала Элоиза. – Все равно ненавижу этот чертов коврик. Я сделаю тебе еще.

– Нет, слушай, у меня больше половины осталось! – Мэри Джейн подняла стакан.

– Точно? – сказала Элоиза. – Дай-ка мне сигаретку.

Мэри Джейн протянула ей пачку сигарет со словами:

– Ой, до смерти хочу ее увидеть. На кого она теперь похожа?

Элоиза чиркнула зажигалкой.

– На Акима Тамироффа.

– Нет, серьезно.

– На Лью. Вылитая Лью. Когда его мать приезжает, они трое выглядят как тройняшки, – все так же лежа на диване, Элоиза потянулась за стопкой пепельниц на дальнем краю сигаретного столика. Она успешно взяла одну сверху и поставила себе на живот. – Кого мне нужно, это кокер-спаниеля или вроде того, – сказала она. – Кого-нибудь, похожего на меня.

– Как у нее теперь с глазами? – спросила Мэри Джейн. – В смысле, хуже ведь не стало, ничего такого?

– Господи! Нет, насколько я знаю.

– Она может вообще видеть без очков? В смысле, если ночью встанет в туалет или вроде того.

– Она никому не скажет. Секретов что вшей. (*учитывая, что потом Рамона чешется, мне кажется, это забавно*)

Мэри Джейн обернулась на стуле.

– Ну, привет, Рамона! – сказала она. – Ой, какое платьице красивое! – она поставила свой стакан. – Готова спорить, ты меня даже не помнишь, Рамона.

– Конечно, помнит. Кто эта тетя, Рамона?

⁸ 62 фунта = 28, 12 кг.

- Мэри Джейн, – сказала Рамона и почесалась.
- Изумительно! – сказала Мэри Джейн. – Рамона, подаришь мне поцелуйчик?
- Перестань, – сказала Элоиза Рамоне.

Рамона перестала чесаться.

- Ты подаришь мне поцелуйчик, Рамона? – снова спросила Мэри Джейн.
- Я не люблю целовать людей.

Элоиза фыркнула и спросила:

- Где Джимми?
- Он тут.

- Кто такой Джимми? – спросила Мэри Джейн Элоизу.
- Ой, господи! Ухажер ее. Хвостом за ней ходит. Все за ней повторяет. Такой фурор.
- *Правда?* – сказала Мэри Джейн с энтузиазмом. Она подалась вперед. – У тебя есть

ухажер, Рамона?

В глазах Рамоны за толстыми линзами от близорукости не отражалось ни малейшего следа энтузиазма Мэри Джейн.

- Мэри Джейн задала тебе вопрос, Рамона, – сказала Элоиза.

Рамона сунула пальчик в широкий носик.

- Перестань, – сказала Элоиза. – Мэри Джейн спросила тебя, есть ли у тебя ухажер.
- Да, – сказала Рамона, ковыряясь в носу.
- Рамона, – сказала Элоиза. – Ну-ка кончай. Немедленно.

Рамона опустила руку.

– Что ж, думаю, это просто чудесно, – сказала Мэри Джейн. – А как его зовут? Ты скажешь мне, как его зовут, Рамона? Или это большой секрет?

- Джимми, – сказала Рамона.
- Джимми? О, люблю это имя – Джимми! А дальше как, Рамона?
- Джимми Джиммирино, – сказала Рамона.
- Стой смирно, – сказала Элоиза.
- Что ж! Ничего себе имя. И где Джимми? Ты мне скажешь, Рамона?
- Тут, – сказала Рамона.

Мэри Джейн огляделась, затем снова посмотрела на Рамону, улыбаясь максимально провокационно.

- Тут – это где, милая?
- *Тут*, – сказала Рамона. – Я его *за руку* держу.
- Не понимаю, – сказала Мэри Джейн Элоизе, допивавшей свой стакан.
- Не смотри на меня, – сказала Элоиза.

Мэри Джейн снова посмотрела на Рамону.

– А, *ясно*. Джимми – просто *воображаемый* мальчик. Изумительно, – Мэри Джейн сердечно подалась вперед. – Как *поживаешь*, Джимми? – сказала она.

– Он не станет говорить с тобой, – сказала Элоиза. – Рамона, расскажи Мэри Джейн о Джимми.

- *Что* ей рассказать?
- Встань ровно, пожалуйста... Расскажи Мэри Джейн, какой из себя Джимми.
- У него зеленые глаза и черные волосы.
- А еще что?
- Ни мамы, ни папы.
- А еще?
- И веснушек нет.
- А еще?
- Меч.

- А еще?
- Я не знаю, – сказала Рамона и снова стала чесаться.
- Похоже, красавчик! – сказала Мэри Джейн и подалась еще дальше со стула. – Рамона. Скажи мне. Джимми *тоже* снял галоши, когда вы вошли?
- У него боты, – сказала Рамона.
- Изумительно, – сказала Мэри Джейн Элоизе.
- Это ты так думаешь. А у меня это весь день. Джимми с ней ест. Купается с ней. Спит с ней. Она спит на самом краю кровати, чтобы не задеть его во сне.
- Мэри Джейн, восторженно обдумывая услышанное, закусилла нижнюю губу, а затем спросила:
- Но откуда он взял это имя?
- Джимми Джиммирино? Бог его знает.
- Возможно, от какого-нибудь соседского мальчика?
- Элоиза покачала головой, зевая.
- По соседству нет никаких мальчиков. Вообще нет детей. Все меня за глаза называют плодонос...
- Мамочка, – сказала Рамона, – можно мне из дома, поиграть?
- Элоиза посмотрела на нее.
- Ты же только пришла, – сказала она.
- Джимми снова хочет выйти.
- Могу я спросить, зачем?
- Он оставил там свой меч.
- Ох уж мне его чертов меч, – сказала Элоиза. – Что ж. Иди. Надевай опять галоши.
- Могу я взять это? – сказала Рамона, взяв горелую спичку из пепельницы.
- *Можно* мне взять это. Да. И не подходи, пожалуйста, к улице.
- Всего доброго, Рамона! – сказала Мэри Джейн нараспев.
- Пока, – сказала Рамона. – Идем, Джимми.
- Элоиза внезапно вскочила на ноги.
- Давай свой стакан, – сказала она.
- Нет, правда, Эль. Мне нужно быть в *Ларчмонте*. То есть, мистер Уэйенбург такой милый – терпеть не могу...
- Позвони и скажи, что тебя убили. Отдай мне этот чертов стакан.
- Нет, честно, Эль. То есть, скоро будет *ужас*, как скользко. У меня в машине почти нет незамерзающей жидкости. То есть, если я не...
- Пусть себе замерзает. Иди, звони. Скажи, ты умерла, – сказала Элоиза. – Отдай мне это.
- Что ж... Где телефон?
- Он уехал, – сказала Элоиза, унося пустые стаканы в направлении столовой, – *тудой*. Она резко остановилась на пороге между гостиной и столовой и изобразила скрежет и удар. Мэри Джейн захихикала.
- То есть, ты же толком *не знала* Уолта, – сказала Элоиза без четверти пять, лежа навзничь на полу, поставив стакан себе на плоскую грудь. – Он единственный из всех ребят, кого я знала, умел меня рассмешить. То есть, *по-настоящему* рассмешить, – она посмотрела на Мэри Джейн. – Помнишь тот вечер – в наш последний год, – когда эта полоумная Луиза Хермансон ввалилась в комнату в этом черном лифчике, который купила в Чикаго?
- Мэри Джейн хихикнула.
- Она лежала ничком на диване, положив подбородок на подлокотник, и смотрела на Элоизу. Ее стакан стоял на полу, рядом.

– Ну, он умел меня *вот так* рассмешить, – сказала Элоиза. – В разговоре умел. По телефону умел. Даже в письме. И что самое приятное – он даже не старался быть смешным – он просто *был* смешным, – она чуть повернула голову к Мэри Джейн. – Эй, не подкинешь мне сигаретку?

– Не дотянусь, – сказала Мэри Джейн.

– Кожа ты, – Элоиза снова подняла глаза к потолку. – Как-то раз, – сказала она, – я упала. Я обычно дожидалась его на автобусной остановке, прямо возле АМ⁹, и как-то раз он поздно подошел, когда уже автобус отчаливал. Мы бросились бежать, и я упала и лодыжку подвернула. Он сказал: «Бедный дядюшка Криволап¹⁰». Насчет моей лодыжки. Бедный старый дядюшка Криволап – так он меня назвал... Господи, каким он был хорошим.

– Разве у Лью нет чувства юмора? – сказала Мэри Джейн.

– Что?

– Разве у Лью нет чувства юмора?

– Ой, господи! Кто ж его знает? Да. Наверно, есть. Он смеется над мультиками и всяким таким.

Элоиза подняла голову, взяла стакан у себя с груди и отпила.

– Ну, – сказала Мэри Джейн. – Это еще не главное. То есть, *это* не главное.

– Что не главное?

– Ну... знаешь. Смех и все такое.

– Кто это сказал? – сказала Элоиза. – Слушай, если ты не в монашки записалась, почему не посмеяться?

Мэри Джейн хихикнула.

– Ты *оторва*, – сказала она.

– Ой, господи, хорошим он был, – сказала Элоиза. – Он или смешным был, или милым. Но без всяких сюси-пуси. По-особенному милым. Знаешь, что он сделал как-то раз?

– Не-а, – сказала Мэри Джейн.

– Мы ехали поездом из Трентона в Нью-Йорк – его как раз только призвали. В вагоне было холодно, и я как бы укрыла нас моим пальто. Помню, на мне еще был кардиган Джойс Морроу – помнишь, был у нее такой кардиган нежно-голубой?

Мэри Джейн кивнула, но Элоиза даже не взглянула на нее.

– Ну, он как бы положил мне руку на живот. Понимаешь. В общем, он вдруг сказал, что у меня до того красивый живот, что он бы хотел, чтобы сейчас вошел какой-нибудь офицер и приказал ему разбить другой рукой окно. Сказал, что хочет, чтобы все было по-честному. Потом убрал руку и сказал кондуктору расправить плечи. Сказал ему, если он чего и не выносит, так это когда человек своей формой не гордится. Кондуктор ему сказал только дальше спать, – Элоиза ненадолго задумалась, затем сказала: – Дело даже не в том, что он говорил, а *как* он это говорил. Ты понимаешь.

– Ты когда-нибудь рассказывала Лью о нем – в смысле, вообще?

– Ой, – сказала Элоиза, – я как-то попыталась. Но первое, что он спросил меня, это в каком он был звании.

– И в каком же?

– Ха! – сказала Элоиза.

– Нет, я только в смысле...

Элоиза вдруг рассмеялась утробным смехом.

⁹ Англ. PX (Post Exchange) – армейский магазин.

¹⁰ Отсылка к популярной серии рассказов и повестей о пожилом обаятельном кролике «Дядюшка Криволап» американского писателя Говарда Р. Гарриса (1873–1962), впервые появившихся в 1910 г. и выходявших еще в течение полувека.

– Знаешь, что он сказал как-то раз? Сказал, что чувствует, что продвигается в армии, но не в том направлении, как все остальные. Сказал, что, когда получит свое первое повышение, ему не лычки нашьют, а рукава отрежут. Сказал, когда он станет генералом, будет ходить голым. Все, что на нем останется из одежды, это пехотная пуговка в пупке, – Элоиза посмотрела на Мэри Джейн, но та не смеялась. – Тебе это не кажется смешным?

– Кажется. Только, почему ты как-нибудь не расскажешь о нем Лью?

– Почему? Потому что у него, черт возьми, ума недостаточно – вот, почему, – сказала Элоиза. – И потом. Послушай меня, карьеристочка. Если ты когда-нибудь снова выйдешь замуж, не рассказывай мужу *ничего*. Слышишь меня?

– Почему? – сказала Мэри Джейн.

– Потому, что я так сказала, вот почему, – сказала Элоиза. – Им хочется думать, что тебя всю жизнь тошнило, когда к тебе приближался мальчик. И это не шутка. Ну, ты можешь рассказывать им всякое разное. Но только не откровенничай. В смысле, *никогда* не откровенничай. Если расскажешь, что когда-то знала симпатичного мальчика, надо тут же добавить, что он был *чересчур* симпатичным. А если скажешь, что знала остроумного мальчика, нужно сказать, что он был как бы таким умником или себе на уме. *А не то*, тебя будут по любому поводу по башке лупить этим мальчиком, – Элоиза умолкла, чтобы отпить из стакана и собраться с мыслями. – Ну, – сказала она, – тебя выслушают очень так *по-взрослому* и все такое. Даже напустят такой адски умный вид. Но не обманывайся. Поверь мне. Тебе *ад устроят*, если признаешь за ними хоть какой-нибудь ум. Поверь на слово.

Мэри Джейн с тоскливым видом подняла подбородок с подлокотника дивана. И опустила для разнообразия на предплечье. Она обдумала совет Элоизы.

– Ты ведь не назовешь Лью неумным? – сказала она.

– Не назову?

– То есть, разве он не умный? – сказала Мэри Джейн невинно.

– А, – сказала Элоиза, – что толку говорить? Замнем. Я на тебя только тоску нагоняю. Заткни меня.

– Ну, чего ж ты тогда вышла за него? – сказала Мэри Джейн.

– О, господи! Я не знаю. Он сказал, что любит Джейн Остен. Сказал, ее книги многое для него значат. Именно так и сказал. Когда мы поженились, я выяснила, он *ни одной* ее книги не прочел. Знаешь, кто его любимый автор?

Мэри Джейн покачала головой.

– Л. Мэннинг Вайнс. Никогда о нем не слышала?

– Не-а.

– Вот, и я тоже. И никто не слышал. Он написал книжку о том, как четыре мужика умерли голодной смертью на Аляске. Лью не помнит название, но говорит, она так *прекрасно написана*, что он ничего подобного не читал. Иисус Христос! Он даже не может честно сказать, что она ему нравится потому, что там четыре типа с голодухи умерли в иглу или вроде того. Вместо этого он скажет, что она *прекрасно написана*.

– Ты слишком критична, – сказала Мэри Джейн. – Seriously, ты слишком критична. Может, это *хорошая*...

– Поверь мне на слово, никакая она не хорошая, – сказала Элоиза. Она подумала немного и добавила: – У тебя хотя бы есть работа. В смысле, у тебя хотя бы...

– Но послушай, – сказала Мэри Джейн. – Как ты думаешь, ты когда-нибудь скажешь ему хотя бы, что Уолта убили? То есть, он ведь не станет ревновать, если узнает, что Уолта... ну, понимаешь. Убили и все такое.

– Краля ты моя! Бедная ты невинная карьеристочка, – сказала Элоиза. – Да он бы еще хуже стал. С потрохами сожрал бы. Послушай. Все, что он знает, это что я гуляла с кем-то по имени Уолт – с каким-то *остряком* без звания. И я ни в коем случае не скажу ему, что его

убили. Ни в коем случае. А если бы сказала – чего я не сделаю, – но, если бы сказала, я бы сказала, что его убили в бою.

Мэри Джейн выставила подбородок дальше на предплечье.

– Эль, – сказала она, – почему ты мне не расскажешь... как его убили? *Клянусь*, я никому не скажу. Честно. Пожалуйста.

– Нет.

– Пожалуйста. Честно. Я никому не скажу.

Элоиза осушила стакан и поставила обратно, себе на грудь.

– Расскажешь Акиму Тамироффу, – сказала она.

– Нет, не расскажу! В смысле, никому не расскажу...

– Ну, – сказала Элоиза, – его полк где-то отдыхал. Между боями или вроде того, это мне его друг написал потом. Уолт еще с одним парнем упаковывал эту японскую печку. Какой-то полковник хотел отправить ее домой. Или они ее распаковывали, чтобы заново упаковать – не знаю точно. Короче, в ней было полно бензина и всякой дряни, и она у них в руках взорвалась. Другой парень только глаза лишился.

Элоиза заплакала. И накрыла рукой пустой стакан, чтобы тот не упал.

Мэри Джейн соскользнула с дивана, подползла на четвереньках к Элоизе и стала гладить по голове.

– Не плачь, Эль. Не плачь.

– Кто плачет? – сказала Элоиза.

– Я знаю, но не надо. То есть, ни к чему теперь.

Открылась входная дверь.

– Это Рамона вернулась, – сказала в нос Элоиза. – Выручи меня. Сходи на кухню и скажи этой самой накормить ее обедом пораньше. Сделаешь?

– Ну, хорошо, только обещай не плакать.

– Обещаю. Давай. Не хочется как-то прямо сейчас выходить на чертову кухню.

Мэри Джейн встала, покачнувшись, но сохранив равновесие, и вышла из комнаты.

Не прошло и двух минут, как она вернулась, а перед ней вбежала Рамона. Рамона всеми силами имитировала плоскостопие, чтобы ее открытые галоши производили как можно больше шума.

– Она не дает мне снять галоши, – сказала Мэри Джейн.

Элоиза, все еще лежа навзничь на полу, вытирала слезы платком. Она заговорила с Рамоной, держа платок у лица.

– Выйди и скажи Грейс, чтобы сняла твои галоши. Ты знаешь, тебе нельзя входить в...

– Она в уборной, – сказала Рамона.

Элоиза отложила платок и с трудом села.

– Давай сюда ногу, – сказала она. – Сядь сперва, пожалуйста... Не туда – *сюда*. Боже!

Мэри Джейн, стоя на коленях и высматривая сигареты под столом, сказала:

– Эй. Догадайся, что случилось с Джимми.

– Без понятия. Другую ногу. *Другую*.

– Его машина переехала, – сказала Мэри Джейн. – Разве не трагедия?

– Я увидела Шкипера с косточкой, – сказала Рамона Элоизе.

– Что случилось с Джимми? – сказала ей Элоиза.

– Его машина переехала насмерть. Я увидела Шкипера с косточкой, а он не...

– Дай-ка лоб пощупаю, – сказала Элоиза. Она протянула руку и пощупала Рамоне лоб. – Горячей обычного. Иди, скажи Грейс, что пообедаешь наверху. А после сразу спать. Я поднимусь потом. Давай, иди, пожалуйста. И *эти* возьми.

Рамона медленно вышла из комнаты гигантскими шагами.

– Подкинь одну, – сказала Элоиза Мэри Джейн. – Давай еще выпьем.

Мэри Джейн принесла Элоизе сигарету.

– Ничего себе поворот? Насчет Джимми. Какое воображение!

– М-м. Сходи, намешай нам, а? И принеси бутылку... Не хочу туда выходить. Там все пропахло, к чертям, апельсиновым соком.

В пять минут восьмого зазвонил телефон. Элоиза встала с оконного сиденья и попыталась нашарить свои туфли в темноте. Тщетно. Она подошла к телефону в чулках, размеренным, почти ленивым шагом. Звонивший телефон не потревожил Мэри Джейн, спавшую на диване лицом в подушку.

– Алло, – сказала Элоиза в трубку, не включая света. – Слушай, я не могу тебя встретить. Тут Мэри Джейн. Она припарковалась прямо перед домом и не может найти ключ. Я не могу выйти. Мы минут двадцать искали его в этом, как его... в снегу и вообще. Может, тебя подбросят Дик с Милдред? – ей что-то сказали. – А. Ну, это фигово, малыш. Вы бы, ребята, построились взводом – и марш по домам. Ты же умеешь говорить: ать-два-левой, шагом-марш. Ты умеешь быть молодцом, – ей снова что-то сказали. – Я не смешная, – сказала она. – Правда. Просто лицо такое.

Она повесила трубку.

Она вернулась, уже не таким твердым шагом, в гостиную. Подойдя к оконному сиденью, вылила себе в стакан весь виски, остававшийся в бутылке. Вышло примерно на палец. Выпила, передернулась и села.

Когда в гостиной включила свет Грейс, Элоиза подскочила. Не вставая, она позвала Грейс:

– Лучше не накрывай до восьми, Грейс. Мистер Уэнглер припозднится.

Грейс возникла в свете столовой, но осталась стоять на пороге.

– Леди уехать? – сказала она.

– Она отдыхает.

– А, – сказала Грейс. – Миз Уэнглер, я подумала, можно будет, мой муж останься тут на вечер. У меня полно места у себя, а ему не надо назад в Нью-Йорк до завтра утром, и на улице так *гадко*.

– Твой муж? И где же он?

– Ну, прямо шас, – сказала Грейс, – он на кухне.

– Что ж, боюсь, ему нельзя оставаться здесь на ночь, Грейс.

– Мэм?

– Я говорю, боюсь, ему нельзя оставаться здесь на ночь. У меня не постоянный двор.

Грейс немного постояла и вышла на кухню, сказав:

– Да, мэм.

Элоиза вышла из гостиной и вскарабкалась по лестнице, еле освещенной из столовой.

На площадке лежала галоша Рамоны. Элоиза взяла ее и швырнула со всей силы через перила; галоша шумно шваркнулась об пол прихожей.

Элоиза щелкнула выключателем в комнате Рамоны и ухватилась за него, словно ища опоры. Она постояла, глядя на Рамону. Затем отпустила выключатель и быстро подошла к кровати.

– Рамона. Проснись. *Проснись*.

Рамона спала на самом краю кровати, свесив попку справа. Ее очки лежали на тумбочке с Дональдом Даком, аккуратно сложенные дужками вниз.

– *Рамона!*

Девочка проснулась, резко втянув воздух. Она широко раскрыла глаза, но почти сразу прищурилась.

– *Мамочка*.

- Ты, вроде, сказала, что Джимми Джиммирино насмерть переехали?
- Что?
- Ты слышала, что, – сказала Элоиза. – Почему ты спишь на самом краю?
- Потому, – сказала Рамона.
- Почему потому? Рамона, мне не хочется...
- Потому что не хочу задеть Микки.
- *Кого?*

– Микки, – сказала Рамона, потирая носик. – Микки Миккеранно.

Элоиза сказала, срываясь на крик:

– Ложись посреди кровати. *Ну-ка.*

Рамона, ужасно испугавшись, только вскинула глаза на Элоизу.

– Ну, ладно, – Элоиза схватила Рамону за лодыжки и рывком переместила ее на середину кровати. Рамона не стала ни сопротивляться, ни плакать; она дала переместить себя, но внутренне осталась непреклонной. – А теперь спать, – сказала Элоиза, тяжело дыша. – Глазки закрывай... Ты слышала, что я сказала: закрывай.

Рамона закрыла глаза.

Элоиза подошла к выключателю и нажала. Но еще долго стояла на пороге. Затем вдруг бросилась в темноте к тумбочке, ударилась коленкой о край кровати, но не обратила внимания на боль. Она взяла очки Рамоны и, держа обеими руками, прижала к щеке. По лицу покатались слезы, стекая на очки.

– Бедный дядюшка Криволап, – повторяла она раз за разом. Потом положила очки обратно на тумбочку, стеклами вниз.

Она нагнулась, покачнувшись, и принялась подтыкать края рамониной постели. Рамона не спала. Она тоже плакала все это время. Элоиза поцеловала ее в губы, убрала влажные волосы с глаз дочки и вышла из комнаты.

Она спустилась, сильно шатаясь, и разбудила Мэри Джейн.

– *Чотакое?* Кто? А? – сказала Мэри Джейн, подскочив на диване.

– Мэри Джейн. Послушай. Пожалуйста, – сказала Элоиза, всхлипнув. – Помнишь наш первый курс, как я купила в Бойсе такое платье, коричневое с желтым, а Мириам Болл мне сказала, в Нью-Йорке никто такие не носит, и я проплакала всю ночь? – Элоиза встряхнула Мэри Джейн за руку. – Я ведь была хорошенькой, – взмолилась она, – правда ведь?

Накануне войны с эскимосами

Пять суббот подряд Джинни Мэннокс играла по утрам на Ист-сайдских теннисных кортах с Селеной Графф, одноклассницей из школы мисс Бэйсхор. Джинни открыто считала Селену первой занудой в школе мисс Бэйсхор – школе, очевидно кишевшей первостатейными занудами, – но в то же время не знала никого, кроме Селены, кто бы приносил все время новенькие банки с теннисными мячиками. Отец Селены делал их или вроде того. (Как-то раз за обедом Джинни в назидание семейству Мэннокс изобразила, как проходит типичный обед у Граффов; вышколенный слуга подходил ко всем слева, подавая вместо стакана томатного сока банку с теннисными мячиками.)

Джинни действовало на нервы, что Селена после тенниса доезжала с ней в такси до своего дома, а в итоге Джинни приходилось – каждый божий раз – одной оплачивать всю дорогу. Не говоря о том, что ехать от кортов домой на такси, а не на автобусе, предложила Селена. Однако на пятую субботу, когда кэб направился по Йорк-авеню на север, Джинни внезапно подала голос.

– Эй, Селена...

– Что? – спросила Селена, шарившая рукой по полу такси. – Не найду чехол от ракетки! – простонала она.

Несмотря на теплую майскую погоду, обе девушки носили пальто поверх теннисок с шортами.

– Ты в карман положила, – сказала Джинни. – Эй, послушай...

– О, боже! Ты спасла мне жизнь!

– Послушай, – сказала Джинни, которой даром была не нужна благодарность Селены.

– Что?

Джинни решила сразу перейти к сути. Кэб уже приближался к улице Селены.

– Мне что-то не хочется снова оплачивать всю дорогу сегодня, – сказала она. – Я, знаешь ли, не миллионерша.

Селена посмотрела на нее с изумлением, сменившимся обидой.

– А я не всегда плачу половину? – спросила она невинно.

– Нет, – сказала Джинни ровно. – Ты в *первую* субботу заплатила половину. Где-то в начале прошлого месяца. А с тех пор – ни разу. Не хочу быть жабой, но я вообще-то растягиваю на неделю четыре пятьдесят. И из них я должна...

– Я всегда приношу теннисные мячики, разве нет? – спросила Селена с недовольством.

Иногда Джинни хотелось убить Селену.

– Твой отец их *делает* или вроде того, – сказала она. – Они тебе *ничего* не стоят. А я должна платить за каждую до последней...

– Ну, ладно, ладно, – сказала Селена, громко и решительно, чтобы последнее слово осталось за ней. Со скучающим видом она сунула руки в карманы пальто. – У меня только тридцать пять центов, – сказала она холодно. – Этого хватит?

– Нет. Извини, но ты мне должна доллар шестьдесят пять. Я отслеживаю каждую...

– Мне надо будет подняться и взять у мамы. Это не подождет *до понедельника*? Я могу принести с собой *в спортзал*, если это тебя осчастливит.

Реакция Селены вызвала к снисходительности.

– Нет, – сказала Джинни. – Мне сегодня надо на кино. Я должна пойти.

Оставшийся путь до дома Селены девушки просидели во враждебном молчании, уставившись каждая в свое окошко. Затем Селена, сидевшая со стороны бордюра, вышла. Оставив дверь кэба чуть приоткрытой, она вошла в подъезд легкой, летящей походкой, словно заезжая

голливудская знаменитость. Джинни с горящим лицом заплатила таксисту. Затем собрала теннисные принадлежности – ракетку, полотенце и панаму – и последовала за Селеной. В свои пятнадцать Джинни в теннисных туфлях была ростом порядка пяти футов девяти дюймов¹¹, и ее застенчивая неуклюжесть на резиновых подошвах придавала ей внушительный вид в вестибюле. Селена по этой причине приклеилась взглядом к стрелке над лифтом.

– Получается, ты должна мне доллар девяносто, – сказала Джинни, приближаясь к лифту. Селена обернулась.

– Возможно, тебе будет интересно узнать, – сказала она, что моя мама очень больна.

– Что с ней такое?

– У нее практически пневмония, и если ты думаешь, что мне понравится тревожить ее просто из-за денег...

Селина не договорила предложение с многозначительным апломбом.

Джинни, надо сказать, слегка обескуражила эта информация, безотносительно ее правдивости, но не настолько, чтобы она размякла.

– Это не я ее заразила, – сказала она и вошла за Селеной в лифт.

Селена позвонила в квартиру, и девушекпустила – точнее, просто открыла настежь дверь – цветная служанка, с которой Селена, похоже, не разговаривала. Джинни бросила теннисные принадлежности на стул в прихожей и пошла за Селеной. В гостиной Селена обернулась и сказала:

– Ты не против здесь подождать? Возможно, мне придется будить маму и все такое.

– Окей, – сказала Джинни и плюхнулась на диван.

– Я бы с роду не подумала, что ты можешь быть хоть в чем-то такой мелочной, – сказала Селена, достаточно сердитой, чтобы не сдерживать себя, но не настолько, чтобы откровенно нахамить.

– Уж какая есть, – сказала Джинни и раскрыла у себя перед лицом номер «Вога». Так она и сидела, пока Селена не вышла из комнаты, после чего вернула журнал на приемник. Она оглядела комнату, мысленно переставляя мебель, выбрасывая настольные лампы, убирая искусственные цветы. Комната, по ее мнению, была донельзя кошмарной – дорогой, но безвкусной.

Вдруг из другой части квартиры прокричал мужской голос:

– *Эрик? Это ты?*

Джина решила, что это брат Селены, которого она ни разу не видела. Она закинула ногу на ногу, расправила подол пальто на коленях и стала ждать.

В комнату ворвался босиком молодой человек в очках, пижаме и с открытым ртом.

– Ой. Я думал, это Эрик, елки-палки, – сказал он. Не останавливаясь и ужасно сутулясь, он проследовал через комнату, бережно прижимая что-то к своей шуплой груди. И присел на свободный край дивана. – Я сейчас порезал нафиг палец, – сказал он запальчиво. Он посмотрел на Джинни так, словно рассчитывал увидеть ее здесь. – Когда-нибудь резали палец? Чтобы так вот, до кости? – спросил он. В его крикливом голосе слышалась неподдельная мольба, словно бы Джинни могла своим ответом избавить его от некой крайне одинокой формы избранности.

Джинни уставилась на него.

– Ну, не так чтобы *до кости*, – сказала она, – но случалось резаться.

Она в жизни не видела столь нелепого человека или, лучше сказать, молодого человека – сложно было определить его возраст. Волосы у него торчали со сна. Щеки покрывала двухдневная щетина, светлая и редкая. И вид у него был откровенно придурковатый.

– Как вы порезались? – спросила она.

Он опустил голову и приоткрыл рот, уставившись на палец.

¹¹ 5 футов 9дюймов = 1,75 метра.

- Что? – сказал он.
- Как вы порезались?
- Знать бы, черт, – сказал он, очевидно подразумевая, что подлинная причина ему неизвестна. – Искал кое-что в чертовой корзине, а там полно бритвенных лезвий.
- Вы брат Селены? – спросила Джинни.
- Ну да. Господи, я умру нафиг от потери крови. Побудьте еще тут. Мне может понадобиться переливание.
- Вы что-нибудь наложили на рану?
- Брат Селены слегка отстранил палец от груди и представил на обозрение Джинни.
- Только чуток туалетной бумаги, – сказал он. – Кровь нафиг остановить. Как когда режешься при бритье, – он снова посмотрел на Джинни. – А вы кто? – спросил он. – Подруга чужирлы?
- Мы в одном классе.
- Да ну? И как вас зовут?
- Вирджиния Мэннокс.
- Так ты Джинни? – сказал он, щурясь на нее через очки. – Ты Джинни Мэннокс?
- Да, – сказала Джинни, снимая одну ногу с другой.
- Брат Селены снова сосредоточился на своем пальце, очевидно, единственном для него предмете интереса в комнате.
- Я знаю твою сестру, – сказал он безразлично. – Задаваку чертову.
- Джинни встрепенулась.
- *Кого?*
- Слышала.
- Она *не задавака!*
- Как же, блин, – сказал брат Селены.
- *Вовсе нет!*
- Как же, блин. Да она королева. Чертова королева задавак.
- Джинни смотрела, как он оттянул от пальца намотанную туалетную бумагу и заглянул под нее.
- Да ты *знать не знаешь* мою сестру.
- Знаю, блин.
- Как ее зовут? Полное имя? – потребовала Джинни.
- Джоан... Джоан задавака.
- Джинни помолчала.
- Как она выглядит? – спросила она вдруг.
- Без ответа.
- Как она выглядит? – повторила Джинни.
- Будь она вполнину такой красоткой, какой *мнит* себя, ей бы нафиг с лихвой хватило, – сказал брат Селены.
- По тайному мнению Джинни такой ответ имел категорию интересного.
- Никогда не слышала, чтобы она *тебя* упоминала, – сказала она.
- Куда деваться. Куда нафиг деваться.
- Так или иначе, она помолвлена, – сказала Джинни, глядя на него. – Собирается замуж в следующем месяце.
- За кого? – спросил он, поднимая взгляд.
- Джинни хорошенько воспользовалась таким поворотом.
- *Ты* его не знаешь.
- Он снова стал ковыряться с туалетной бумагой.
- Я его жалею, – сказал он.

Джинни фыркнула.

– Кровь идет как чумовая. Думаешь, надо чем-то обработать? Чем надо по-хорошему? Меркурохром сойдет?

– Лучше йод, – сказала Джинни. И добавила, решив, что ее ответ прозвучал слишком прозаично, учитывая ситуацию: – Меркурохром тут *совсем* не годится.

– Почему? Чем он плох?

– Просто он для такого *совсем* не годится, вот и все. Тебе надо йод.

Он посмотрел на Джинни.

– Он ведь очень щиплет, да? – спросил он. – Правда ведь, чертовски щиплет?

– *Щиплет*, – сказала Джинни, – но он тебя не уьет, не бойся.

Брат Селены, похоже, не обиделся на слова Джинни и вернулся к своему пальцу.

– Не люблю, когда щиплет, – сказал он.

– Никто не любит.

Он согласно кивнул.

– Да уж, – сказал он.

Джинни с минуту наблюдала за ним.

– Хватит уже трогать, – сказала она вдруг.

Брат Селены отдернул от пострадавшего пальца здоровую руку, словно ударенный током. И сел чуть прямее, или, лучше сказать, чуть менее сутуло. Его внимание привлек какой-то предмет в другом конце комнаты. Его досадливое лицо сделалось почти мечтательным. Он поковырялся здоровым указательным пальцем между передними зубами, извлек что-то и повернулся к Джинни.

– Ешь хошь? – спросил он.

– Что?

– Ешь чего хошь?

Джинни покачала головой.

– Я поем дома, – сказала она. – Мама всегда готовит к моему приходу.

– У меня в комнате полсэндвича с курицей. Не хошь? Я к нему не прикасался, ничего такого.

– Нет, спасибо. Правда.

– Вы же в теннис только что играли, елки-палки. И не голодная?

– Не в этом дело, – сказала Джинни, кладя ногу на ногу. – Просто, моя мама всегда готовит к моему приходу. Она бесится, то есть, если я не голодная.

Брат Селены, похоже, удовольствовался таким объяснением. По крайней мере, кивнул и отвел взгляд. Но затем вдруг снова повернулся к Джинни.

– Может, стакан молока? – сказал он.

– Нет, спасибо... Правда, спасибо.

Он наклонился и рассеянно почесал лодыжку.

– Как зовут этого типа, за которого она выходит? – спросил он.

– Джоан, в смысле? – сказала Джинни. Дик Хеффнер.

Брат Селены продолжил чесать лодыжку.

– Он капитан-лейтенант на военном флоте, – сказала Джинни.

– Большое дело.

Джинни хихикнула. Она смотрела, как он докрасна расчесывает лодыжку. Когда он начал чесывать ногтем легкую сыпь на икре, Джинни отвела взгляд.

– Откуда ты знаешь Джоан? – спросила она. – Я никогда не видела тебя дома или вроде того.

– Я и не был никогда в вашем чертовом доме.

Джинни подождала, но он не собирался развивать свое высказывание.

- Так, где же вы познакомились? – спросила она.
- На вечеринке, – сказал он.
- На вечеринке? Когда?
- Я *не знаю*. На Рождество 42¹²-го, – из нагрудного кармана пижамы он извлек двумя пальцами сигарету, по которой можно было подумать, что на ней спали. – Не подкинешь вон те спички? – сказал он. Джинни передала ему коробок спичек с тумбочки возле нее. Он закурил, не выпрямляя своей кривизны, и убрал горелую спичку в коробок. Откинув голову, он медленно выдохнул изо рта огромное облако дыма и втянул ноздрями. И стал курить дальше в таком «французском» стиле. Весьма вероятно, что это был не пижонский выпендрей тет-а-тет, а приватная демонстрация мастерства, вроде бритья левой рукой.
- Почему Джоан – задавака? – спросила Джинни.
- Почему? Потому что. Откуда мне нафиг знать, почему?
- Да, но в смысле, почему ты так говоришь?
- Он устало повернулся к ней.
- Слушай. Я написал ей нафиг восемь писем. *Восемь*. Она *ни разу* не ответила. Джинни помолчала, потом сказала:
- Ну, может, она была занята.
- Ну да. Занята. Занята нафиг, как белочка.
- Обязательно столько *сквернословить*? – спросила Джинни.
- Имею нафиг право.
- Джинни хихикнула.
- А вообще давно ты ее знаешь? – спросила она.
- Достаточно.
- Ну, в смысле, ты звонил ей когда-нибудь или что-то такое? В смысле, ты ей не звонил, ничего такого?
- Не-а.
- Ну, ясен пень. Если ты ни разу ей не звонил, ничего такого...
- Не мог я, бога в душу!
- Почему? – сказала Джинни.
- Я был не в Нью-Йорке.
- А-а! Где же ты был?
- Я? В Огайо.
- А, в колледже?
- Если бы. Бросил.
- А, значит, в армии?
- Если бы, – рукой с сигаретой брат Селены постучал слева по груди. – Мотор, – сказал он.
- В смысле, сердце? – сказала Джинни. – А что с ним такое?
- Не знаю я, что с ним нафиг такое. Я мелким перенес ревматическую лихорадку. Та еще нафиг заноза в...
- Ну, разве тебе не надо бросить курить? В смысле, разве ты не должен вообще не курить? Врач сказал моей...
- А-а, много они понимают, – сказал он.
- Джинни ненадолго придержала коней. Очень ненадолго.
- А что ты делал в Огайо? – спросила она.
- Я? Работал нафиг на авиазаводе.
- Правда? – сказала Джинни. – Тебе нравилось?
- *Тебе нравилось?* – передразнил он. – Еще как. Я обожаю самолеты. Они такие клевые.

¹² Действие рассказа происходит не позднее 1953 г, когда был издан сборник Дж. Д. Сэлинджера "Девять рассказов".

Джинни уже так увлеклась, что и не думала обижаться.

– И долго ты там работал? На авиазаводе.

– Я не знаю, бога в душу. Тридцать семь месяцев, – он встал и подошел к окну. Посмотрел вниз, на улицу, почесывая шею сзади большим пальцем. – Погляди на них, – сказал он. – Дурачье чертово.

– Кто? – сказала Джинни.

– Я не знаю. Кто угодно.

– У тебя палец будет хуже кровоточить, если держать книзу, – сказала Джинни.

Он ее услышал. Поставив левую ногу на оконное сиденье, он опустил пораненную руку на бедро. И продолжал смотреть на улицу.

– Все идут нафиг в призывную комиссию, – сказал он. – Мы теперь с эскимосами воевать будем¹³. Ты это знала?

– С кем? – сказала Джинни.

– С эскимосами... Уши открой, бога в душу.

– Почему с эскимосами?

– Откуда мне знать. Откуда, блин, мне знать, почему? На этот раз пойдет одно старичье. Кому под шестьдесят. Другим нельзя – только кому под шестьдесят, – сказал он. – Просто назначат им меньше часов... Большое дело.

– Тебе все равно не придется идти, – сказала Джинни, не имея в виду ничего такого, но запоздало почувствовав, что говорит что-то не то.

– Знаю, – сказал он быстро и убрал ногу с сиденья. Чуть приоткрыв окно, он выбросил окурок. Затем обернулся и сказал, стоя у окна: – Эй. Сделай одолжение. Когда придет этот малый, скажешь ему, я буду готов через пару секунд? Мне только побриться – и все. Окей?

Джинни кивнула.

– Хошь, потороплю Селену или вроде того? Она знает, что ты тут?

– Ой, она знает, что я тут, – сказала Джинни. – Я не спешу. Спасибо.

Брат Селены кивнул. Затем посмотрел напоследок долгим взглядом на раненый палец, словно прикидывая, выдержит ли он поход обратно в его комнату.

– Ты бы наложил на него лейкопластырь? Нет у тебя лейкопластыря или чего-то такого?

– Не-а, – сказал он. – Что ж. Не напрягайся.

Он побрел из комнаты.

Через несколько секунд вернулся и принес полсэндвича.

– Поешьте вот, – сказал он. – Хороший.

– Правда, я совсем не...

– *Бери*, бога в душу. Я его не отравил, ничего такого.

Джинни взяла полсэндвича.

– Что ж, большое спасибо, – сказала она.

– Куриный, – сказал он, стоя рядом с ней, глядя на нее. – Купил нафиг вчера вечером в гастрономе.

– Выглядит очень вкусно.

– Ну, так *ешь*.

Джинни откусила.

– Вкусно, а?

Джинни с трудом проглотила.

– Очень, – сказала она.

Брат Селены кивнул. Он рассеянно обвел взглядом комнату, почесывая впалую грудь.

– Что ж, думаю, лучше мне одеться... Господи! В дверь звонят. Ну, не напрягайся!

¹³ Явный намек на Корейскую войну (1950–1953), в которой США поддерживали Южную Корею, а СССР – Северную.

И был таков.

Оставшись одна, Джинни огляделась, не вставая с дивана, ища, куда бы выбросить или спрятать сэндвич. Затем услышала, как кто-то идет через прихожую, и сунула сэндвич в карман пальто.

В комнату вошел молодой человек среднего роста тридцати с небольшим лет. Ни его правильные черты, ни короткая стрижка, ни покрой костюма, ни рисунок фулярового галстука не давали никакой определенной информации. Он мог быть в штате – или пытаться устроиться в штат – какого-нибудь журнала. Мог играть в спектакле, прошедшем накануне в Филадельфии. Мог служить в юридической фирме.

– Привет, – сказал он сердечно Джинни.

– Привет.

– Видела Франклина? – спросил он.

– Он бреется. Он сказал мне сказать вам подождать его. Он скоро выйдет.

– *Бреется*. Боже правый.

Молодой человек взглянул на наручные часы. Затем уселся в красное камчатое кресло, закинул ногу на ногу и взял свое лицо в ладони. Словно из-за переутомления или перенапряжения глаз, он закрыл их и потер кончиками вытянутых пальцев.

– Это самое кошмарное утро за всю мою жизнь, – сказал он, отводя ладони от лица. Говорил он исключительно гортанью, словно так выдохся, что на диафрагму рассчитывать не приходилось.

– Что случилось? – спросила Джинни, глядя на него.

– О-о... Слишком долгая история. Я никогда не утомляю тех, кого не знаю по крайней мере тысячу лет, – начал он с туманным недовольством, глядя в сторону окон. – Но я больше никогда не посчитаю себя хотя бы *самым скромным* знатоком человеческой природы. Можете без оглядки меня цитировать.

– Что случилось? – повторила Джинни.

– О, господи. Этот человек, проживший у меня в квартире много-много-много месяцев, – даже говорить о нем не хочу... Писатель этот, – добавил он с чувством, вероятно ссылаясь на известную анафему из романа Хемингуэя¹⁴.

– Что он сделал?

– Откровенно говоря, я бы скорее не вдавался в детали, – сказал молодой человек. Он достал сигарету из своей пачки, игнорируя прозрачный хьюмидор на столе, и закурил от своей зажигалки. Руки у него были большими. Они не казались ни сильными, ни умелыми, ни чуткими. Однако он действовал ими так, словно они обладали некими с трудом контролируемые эстетическими предпочтениями. – Я решил, что даже думать об этом не стану. Но я в такой ярости, – сказал он. – То есть, возникает этот жуткий типчик из *Алтуньи*, штат Пенсильвания – или откуда-то оттуда. Очевидно, *помирает* с голоду. Я по доброте своей душевной – прямо-таки добрый самаритянин – *пускаю* его к себе в квартиру, эту совершенно крошечную квартирку, в которой я сам едва развернусь. Знакомлю его *со всеми* моими друзьями. Даю ему захламлять *всю* квартиру своими кошмарными рукописями, окурками и *редиска*ми, и чем попало. Знакомлю его со всеми театральными продюсерами Нью-Йорка. *Таскаю* его грязные рубашки в прачечную и обратно. И сверх всего этого... – молодой человек прерывается. – И за *всю* мою доброту и порядочность, – продолжил он, – он выходит из дома в пять-шесть утра – не оставив после себя хотя бы записки – и забирает с собой все, до чего только дотянулись его гнусные грязные ручонки, – он замолчал, затянулся сигаретой и выдохнул дым изо рта тонкой шипящей струйкой. – Не хочу говорить об этом. Правда, – он взглянул на Джинни. – Пальто

¹⁴ Вероятно, речь идет о романе Хемингуэя "И восходит солнце" ("Фиеста"), один из героев которого заявляет, что ему стыдно быть писателем.

у тебя – прелесть, – сказал он, встав с кресла. Он подошел к Джинни и взял между пальцев лацкан ее пальто. – Такое славное. Впервые вижу по-настоящему *хорошую* верблюжью шерсть со времен войны. Могу я спросить, где ты его достала?

– Моя мама привезла из Нассау.

Молодой человек вдумчиво кивнул и попятился обратно к креслу.

– Это одно из немногих мест, где можно достать по-настоящему *хорошую* верблюжью шерсть, – он уселся. – Она там долго пробыла?

– Что? – сказала Джинни.

– Твоя мама долго пробыла там? Почему я спросил, моя мама была там в декабре. И часть января. *Обычно* я езжу с ней, но этот год был таким суматошным, что я просто не мог вырваться.

– Она была там в феврале, – сказала Джинни.

– Шикарно. Где она останавливалась? Не знаешь?

– У моей тети.

Он кивнул.

– Можно спросить, как тебя зовут? Я так понимаю, ты подруга сестры Франклина?

– Мы в одном классе, – сказала Джинни, ответив только на его второй вопрос.

– Ты ведь не знаменитая *Максин*, о которой говорит Селена, а?

– Нет, – сказала Джинни.

Молодой человек вдруг принялся отряхивать манжеты своих брюк тыльной стороной ладони.

– *Я с ног до головы* в собачьей шерсти, – сказал он. – Мама уехала на выходные в Вашингтон и припарковала свою зверюгу *у меня*. На самом деле она довольно милая. Но до того неряшливая. У тебя есть собака?

– Нет.

– Вообще-то, я думаю, жестоко держать их в городе, – он перестал смахивать шерсть, откинулся на спинку и снова взглянул на часы. – Сколько знаю этого мальчишку, *всегда* опаздывает. Мы собираемся посмотреть «Красавицу и чудовище» Кокто¹⁵, а это такой фильм, на который приходиться надо *вовремя*. А иначе пропадет весь *шарм*. Ты его не смотрела?

– Нет.

– О, ты должна! Я смотрел его восемь раз. Гений чистой воды, – сказал он. – Я столько месяцев уговариваю Франклина посмотреть его, – он безнадежно покачал головой. – У него такой вкус. Во время войны мы оба работали в одной кошмарном месте, и этот мальчишка волоком таскал меня на самые несусветные в мире картины. Мы смотрели гангстерские картины, вестерны, *мюзиклы*...

– Вы тоже работали на авиазаводе? – спросила Джинни.

– Боже, да. Много-много-много лет. Пожалуйста, не будем об этом.

– У вас тоже плохо с сердцем?

– Господи, нет. Постучи по дереву, – он дважды стукнул по подлокотнику кресла. – Я здоров как...

Когда в комнату вошла Селена, Джинни быстро встала и пошла ей навстречу. Селена успела переодеться из шортов в платье, что в другой ситуации могло бы рассердить Джинни.

– Извини, что заставила ждать, – сказала Селена неискренне, – но пришлось подождать, пока мама проснется... Привет, Эрик.

– Привет-привет!

¹⁵ *Фр. La Belle et La Bête* ("Красавица и чудовище") – фэнтезийная мелодрама 1946 г. реж. Жана Кокто.

– Все равно мне не надо денег, – сказала Джинни, так тихо, чтобы ее услышала только Селена.

– Что?

– Я тут подумала. То есть, ты ведь все время приносишь теннисные мячики и все такое. Я забыла об этом.

– Но ты сказала, что раз мне не приходится платить за них...

– Проводи меня до двери, – сказала Джинни, направляясь на выход, не попрощавшись с Эриком.

– Но ты вроде бы сказала, что идешь в кино, и тебе нужны эти деньги и все такое! – сказала Селена в прихожей.

– Я слишком устала, – сказала Джинни. Она нагнулась и подобрала свое теннисное хозяйство. – Слушай. Я тебе звякну после обеда. Ты ни чем таким вечером не занята? Может, я приду к тебе.

Селена уставилась на нее и сказала:

– Окей.

Джинни открыла входную дверь и прошла к лифту. Нажала на кнопку.

– Я познакомилась с твоим братом, – сказала она.

– Правда? Скажи, оригинал?

– А чем он вообще занимается? – спросила Джинни как бы между прочим. – Он работает или как?

– Только уволился. Папа хочет, чтобы он вернулся в колледж, но он не намерен.

– Почему не намерен?

– Я не знаю. Говорит, слишком старый и все такое.

– А сколько ему?

– Я не знаю. Двадцать четыре.

Дверцы лифта раскрылись.

– Я потом позвоню тебе, – сказала Джинни.

Выйдя на улицу, она пошла на запад, на Лексингтон, чтобы сесть в автобус. Между Третьей и Лексингтон она сунула руку в карман за кошельком и нашла полсэндвича. Она достала его и хотела, было, выбросить где-нибудь на улице, но потом убрала обратно в карман. За несколько лет до того ей понадобилось три дня, чтобы избавиться отдохлого пасхального цыпленка, валявшегося в опилках на дне ее мусорного ведра.

Смеющийся человек

В 1928 году, когда мне было девять, я состоял – и был преисполнен *esprit de corps*¹⁶ – в организации, известной как Клуб команчей. Каждый школьный день наш вождь собирал нас, двадцать пять команчей, в три часа возле входа для мальчиков школы № 165, на 109-й улице неподалеку от Амстердам авеню. После чего мы набивались в переделанный пассажирский автобус вождя, и он вез нас (по соглашению о финансировании с нашими родителями) в Центральный парк. Там мы до вечера играли, в зависимости от погоды, в футбол (американский или европейский) или бейсбол, смотря по времени года и настроению. В дождливые дни вождь неизменно водил нас либо в Музей естественной истории, либо в Музей искусств Метрополитен.

По субботам и в дни большинства национальных праздников вождь забирал нас с утра пораньше, объезжая на своем зачуханном автобусе наши многоквартирные дома, и вывозил из Манхэттена на относительно широкие просторы парка Ван-Кортландт или в Палисады. Если у нас был спортивный настрой, мы ехали в Ван-Кортландт, где площадки отличались различными размерами и где команда противника обходилась без детских колясок и сердитых старушек с клюкой. Если же наши сердца команчей склонялись к походу, мы ехали в Палисады и скитались там. (Помню, как-то раз в субботу я потерялся где-то на запутанном участке между рекламным плакатом «Линит¹⁷» и западной оконечностью моста Джорджа Вашингтона. Однако я не растерялся. Я просто уселся во внушительной тени гигантского рекламного щита и, невзирая на подступавшие слезы, открыл свою коробку для ланча, почти не сомневаясь, что вождь меня найдет. Вождь всегда нас находил.)

В часы свободные от досуга команчей наш вождь звался Джоном Гедуски и проживал на Стейтен-Айленде. Он был до крайности скромным молодым джентльменом лет двадцати двух или трех, студентом-юристом в Нью-Йоркском университете и в целом весьма примечательной личностью. Я не стану пытаться представить здесь его многообразные достижения и достоинства. Если коротко, он был скаутом-орлом¹⁸

¹⁶ *Фр.* *Esprit de corps* – буквально, чувство локтя.

¹⁷ *Англ.* *Linit* – марка жидкого крахмала.

¹⁸ *Англ.* *Eagle Scout* – бойскаут первой ступени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.